

XVI 45
10

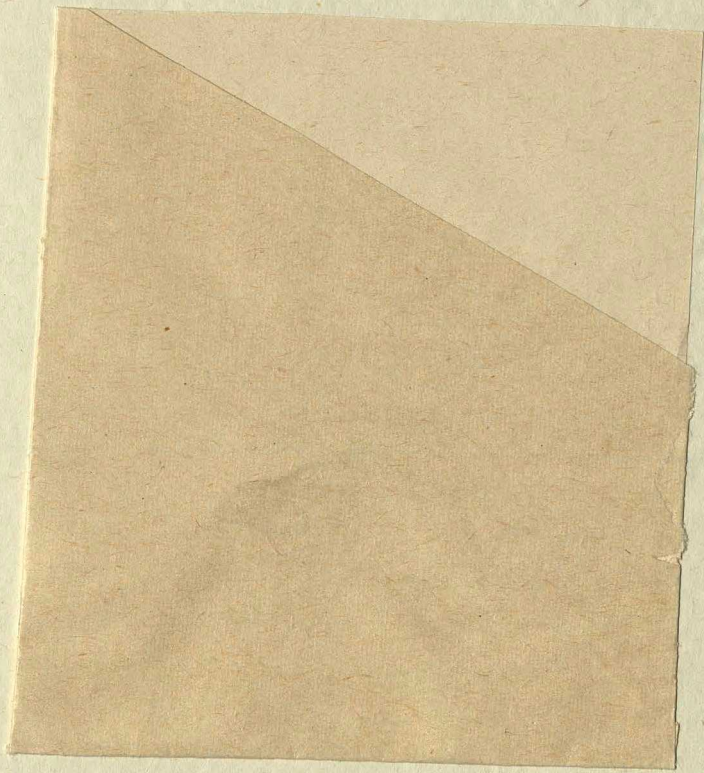
1912

rus

N 17 - 24

VII - X

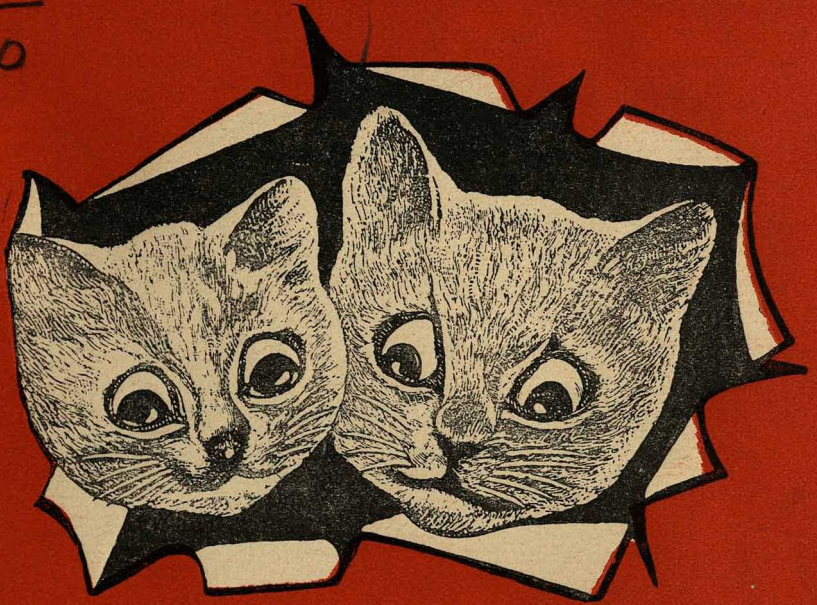
XVI 45
10

Годъ изданія пятый.

ЮЛЬ.

№ 17.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

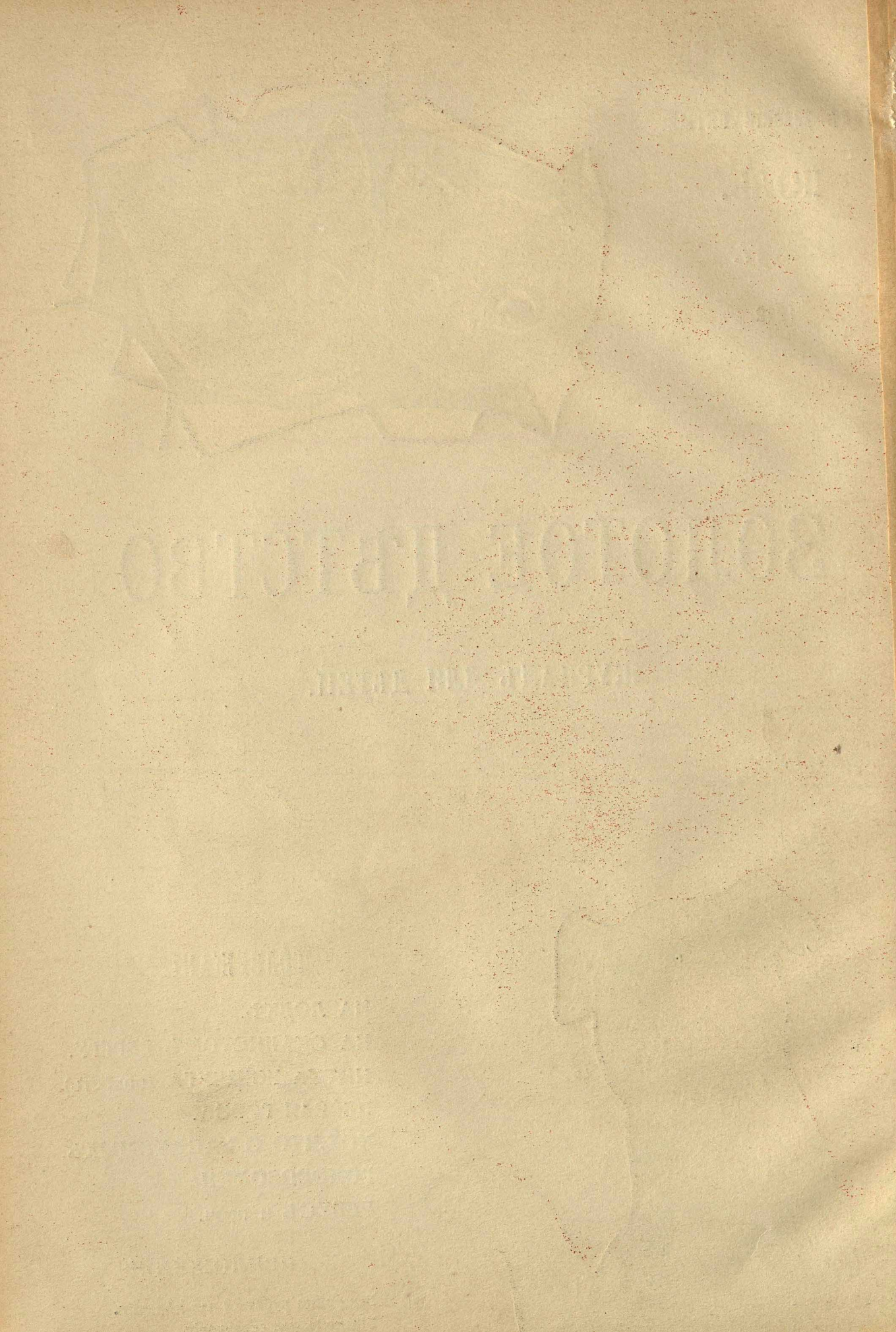

СОДЕРЖАНІЕ:

НА ЛОДКѢ.
НА СКАЛИСТОМЪ БЕРЕГУ.
НИТКА ЖЕМЧУГА (повѣсть).
ПЕРВАЯ ГРОЗА.
КОЕ-ЧТО О НАСЪКОМЫХЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Выкройка рубашки для дѣвочки.
Бископъ, для склеиванія.

№ 17. Іюль, 1912.

Годъ изданія V-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Урокъ географіи.

НА ЛОДКѢ.

Вчера мы на лодкѣ катались...
 Такъ было все тихо кругомъ!
 Деревья о чемъ-то шептались,
 Въ водѣ отражался нашъ домъ.
 Ложились на озеро тѣни,
 Пастухъ на свирѣли игралъ
 И запахъ душистый сирени
 Изъ парка до насъ долеталъ.
 Былъ вечеръ. Спускалась прохлада,
 Свалила жара наконецъ
 И слышались дальняго стада
 Мычанье и крики овецъ.

Затѣмъ все умолкло, заснуло
 И послѣ вседневной жары
 Вдругъ свѣжестью бодрой пахнуло
 И стали жужжать комары.
 Туманъ потянулся клубами,—
 Растаялъ—и пала роса
 И тамъ, далеко, за полями,
 Ужъ въ дымку одѣлись лѣса.
 Какъ зеркало озеро было,
 Лишь рыбки плескались порой,
 А тамъ ужъ и ночь наступила
 И мѣсяцъ взошелъ надъ горой.

Кузнечикъ.

НА СКАЛИСТОМЪ БЕРЕГУ.

Въ маленькой финляндской деревушкѣ, расположенной какъ разъ у самыхъ гранитныхъ скалъ на берегу моря и населенной одними только рыбаками и ихъ семьями, однажды вечеромъ, въ самый тотъ моментъ, когда рыбацьи лодки возвращались уже съ моря домой, неожиданно разыгрался жестокий ураганъ. Зеленя волны съ шумомъ полѣзли на берегъ и стали на тысячи брызгъ дробиться о прибрежныя скалы и камни. Небо стало сѣро-желтымъ. Вѣтеръ со свистомъ пригибалъ деревья къ

землѣ, гудѣлъ въ вершинахъ старыхъ сосенъ и потрясалъ кровлями рыбацкихъ избушекъ.

— Быть бѣдѣ, быть бѣдѣ! шептали старыя рыбацки. — Это даромъ не пройдетъ!.. Помоги намъ Богъ!

А молодыя женщины, при видѣ потускнѣвшаго неба и пожимаясь отъ порывовъ вѣтра и долетавшихъ до нихъ брызгъ съ моря и прижавъ къ себѣ маленькихъ бѣлокурыхъ дѣтей, кучками стояли на берегу и съ безпокойствомъ вглядывались въ полумракъ.

Все видимое пространство моря было покрыто маленькими гранитными островками и отдѣльными скалами, торчавшими прямо изъ воды. Волны ревѣли между нихъ и было похоже на то, будто кипѣлъ громадный котелъ. Нужны были необыкновенное знаніе мѣстности и умѣніе управлять парусами, чтобы не запутаться во всей этой сѣти скалъ и островковъ и свободно выходить въ открытое море. И рыбаки выходили и съ полнымъ уловомъ рыбы благополучно возвращались домой. И въ этотъ бурный вечеръ они вернулись домой и только не хватало одного изъ нихъ — Матвѣя. Его жена Марія-Лотта съ двумя дѣтьми стояла тоже на берегу и со страхомъ глядѣла вдаль.

— А Матвѣй? спрашивала она, считая взглядомъ возвратившіяся лодки. — Гдѣ мой Матвѣй? Гдѣ онъ? Гдѣ его баркасъ?

Рыбаки смотрѣли на нее и на море и только печально качали головами.

— Онъ утонулъ? продолжала она. — Онъ погибъ?

— Не знаемъ.. угрюмо отвѣчали моряки. — Онъ уплылъ отъ насъ далеко и мы потеряли его изъ виду...

Какъ вдругъ кто-то вскрикнулъ и указалъ на виднѣвшіеся скалистые острова.

— Смотрите! раздался голосъ. — Вонъ лодка Матвѣя! Я вижу, какъ она борется съ волнами!

И дѣйствительно, между двухъ островковъ, тамъ, гдѣ кипѣло море, парусная лодка, выбиваясь изъ силъ, старалась миновать опасность и войти въ гавань.

— Теперь уже поздно! сказали старики.

— Онъ погибъ! отвѣтили имъ возвратившіеся рыбаки. — Онъ разобьется о скалы!..

Марія-Лотта упала на колѣни и стала плакать. Дѣти прижались къ ней. Дѣвочка тоже плакала, а мальчикъ стоялъ, обнявъ ее за шею, и пытливыми большими глазами смотрѣлъ на море.

— Спасите его! обратилась Марія-Лотта къ рыбакамъ. Не дайте ему погибнуть! Вѣдь тогда эти дѣти останутся сиротами и ни съ чѣмъ!

Рыбаки тихонько посоветовались между собою и продолжали оставаться безъ движенія. Подача помощи теперь была уже невозможна: никто изъ нихъ не отважился-бы снова пускаться въ лодкѣ въ море въ такой ураганъ, когда отъ вѣтра нельзя было стоять на берегу.

— Поздно! Поздно! качали головами старики.

— Бѣдная мать! Бѣдняжки дѣти! шептали женщины, глядя на Марію-Лотту и ея дѣтей.

Невдалекѣ, около группы рыбаковъ, на гранитномъ выступѣ, стоялъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати и тоже глядѣлъ въ море. На шеѣ

у него былъ повязанъ шарфъ и вѣтеръ широко раздувалъ его концы и во всѣ стороны трепалъ его свѣтлые курчавые волосы.

— Я отправлюсь на помощь! весело воскликнулъ онъ.— Если мнѣ удастся добраться до отца, то я его спасу!

Взоры всѣхъ обратились на маленькаго смѣльчака.

— Это—безразсудство, Янсень! сказалъ ему одинъ старикъ.— Тебѣ никто не дастъ лодку! Въ такую бурю ее разобьетъ о камни и ты погибнешь и самъ!

Но юноша весело засмѣялся.

— Мнѣ не нужно лодки! воскликнулъ онъ.— Дайте мнѣ только веревку и я поплыву одинъ! Скорѣе же, товарищи! Гдѣ веревка?

Ему принесли большой мотокъ веревки, обвязали одинъ ея конецъ ему вокругъ пояса, а другой прикрѣпили къ береговому кольцу—и мальчикъ бросился въ клокотавшее море и поплылъ. Два раза сильнымъ прибоемъ его снова выбросило на берегъ и оба раза онъ снова бросался въ воду и отправлялся вплавь. А затѣмъ громадная волна покрыла его, подхватила и унесла съ собою въ открытое море. Больше не было уже видно ничего и только далеко-далеко, заглушаемый порывами вѣтра и шумомъ волнъ, доносился голосъ Матвѣя:

— Помогите! Помогите!

— Бѣдняги! вздохнули ры-

баки.— Теперь они погибли оба!.. И Матвѣй, и Янсень. Но Янсена жаль больше, потому что онъ молодой и не успѣлъ еще пожить...

Прошли томительныя четверть часа. Дулъ вѣтеръ, шумѣли волны и всѣ молчали. Затѣмъ Марія-Лотта, взявъ за руки обоихъ дѣтей, безнадежно побрела домой...

— У меня былъ Янсень, съ горечью сказала она—а теперь нѣтъ и его!

Рыбачки со слезами посмотрѣли ей вслѣдъ.

— Подожди, мать, подожди!.. вдругъ обратился, къ ней одинъ изъ рыбаковъ.— Кажется, я вижу тамъ что-то особенное!.. Да, да! Это они!

— Смотрите, смотрите! вдругъ раздалось и другіе голоса.— Это они! Ихъ обоихъ подхватила волна и несетъ сюда къ намъ на берегъ. Тяните за веревку!..

Всѣ бросились къ веревкѣ и стали за нее тянуть. Да, это Матвѣй! Это Янсень! Первый, замѣтившій ихъ, рыбаковъ не обманулся. Это дѣйствительно были они. Но по мѣрѣ того, какъ оба они подплывали къ берегу, мальчикъ, котораго волнами не одинъ разъ уже ударяло тѣломъ прямо объ острые камни, сталъ изнемогать и наконецъ лишился чувствъ. Ихъ обоихъ вытянули на берегъ. Матвѣй лишился своей лодки, но за то, благодаря Янсену и его веревкѣ, спасся самъ. Марія-Лотта броси-

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. *соедин. №№ в	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковой	1969 г.
--------------------	--------	-------------------------------------	--------	------	----------	----------------	------------------------------	---------

16.

17-24.

к 1094

Учб. тип. № 24 Главлитиздательского центра 1717/54—225 000.

III - X

1111.

лась къ нему на шею, затѣмъ протянула къ нему дѣтей, потомъ оба они стали плакать, смѣяться и не знали, какъ благодарить маленькаго героя. А онъ лежалъ тутъ же на пескѣ, безъ чувствъ и алая кровь струилась изъ его свѣжихъ ранъ.

— Надо привести его поскорѣе въ чувство! слышались голоса.

И всѣ бросились къ маленькому смѣльчаку.

— Славный мальчикъ! говорили рыбаки, растирая его и производя ему искусственное дыханіе.— Настоящій герой! Согласись, Матвѣй, что если-бы не онъ, то теперь ты давно-бы уже лежалъ на днѣ и ловилъ бы тамъ рыбъ за хвосты!

— Да, сказалъ кто-то въ толпѣ, — мы, старые, морскіе волки, испугались урагана, а онъ бросился въ море и поплылъ!.. Хорошій мальчуганъ!

— Что-жъ? воскликнулъ кто-то третій.— Теперь онъ расквитался съ Матвѣемъ. — Онъ отплатилъ свой долгъ!

— Да, да! подхватили и всѣ остальные.— Честный мальчикъ отплатилъ свой долгъ сполна! Теперь ужъ онъ не долженъ Матвѣю ничего!

Мальчикъ открылъ глаза и пошевелился. Четверо рыбаковъ взяли его на руки и отнесли въ домъ Матвѣя. Скоро въ избушкѣ засвѣтился огонь и въ окошко можно было-бы видѣть, какъ Марія-Лотта

и Матвѣй заботливо ухаживали за Янсенемъ, перевязывали ему раны и ставили компрессы на синяки.

Берегъ опустѣлъ и еще долго бушевало море, дулъ вѣтеръ и потрясалъ кровлями избушекъ и вершинами сосенъ и березъ.

Но вернемся къ тому, что произошло нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Однажды вечеромъ, зимою, Матвѣй и Марія-Лотта шли изъ города къ себѣ домой. Несмотря на довольно значительный морозъ, имъ было весело и они были довольны, потому что очень выгодно продали свою рыбу. У Матвѣя бренчали въ карманѣ деньги, а Марія-Лотта несла за плечами цѣлую пачку покупокъ. Какъ вдругъ, у самой дороги, около широкой раскидистой елки, они увидели что-то темное.

— Смотри! указала Марія-Лотта мужу.—Что это такое?

Матвѣй сошелъ съ дороги и нагнулся, чтобы лучше разсмотрѣть.

— Это ребенокъ! вскрикнулъ онъ.—Должно быть, онъ сбился съ пути и усталъ!

— Ахъ, Боже мой! всплеснула руками Марія-Лотта.—Да вѣдь онъ такъ замерзнетъ! Бѣдное дитя!.. Да живо-ли оно еще? Не замерзло ли совсѣмъ?

Матвѣй поднялъ со снѣга мальчика и оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ. Ему было не болѣе трехъ лѣтъ на видъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, радостно воскликнулъ онъ.—Онъ еще живъ!

И онъ приложилъ ухо къ его его груди.

— Сердце еще бьется! продолжалъ онъ.—Но что-же мы теперь будемъ съ нимъ дѣлать?

Марія-Лотта задумалась.

— Знаешь, что? воскликнулъ Матвѣй и въ голосѣ его прозвучала нотка состраданія.—Давай возьмемъ его, жена, къ себѣ! У насъ и безъ него двое дѣтей, но это ничего! Онъ будетъ третій! Богъ благословляетъ большія семьи!

— Хорошо, отвѣтила Марія-Лотта.—Мы его возьмемъ!

Добрые люди взяли съ собою ребенка, принесли его къ себѣ въ избушку, раздѣли, обогрѣли и уложили въ постельку. Скоро ребенокъ открылъ глаза, улыбнулся и нѣсколько разъ подрядъ чихнулъ.

— Будь здоровъ! Расти большой! сказала ему Марія-Лотта и дала ему поѣсть.

А затѣмъ Матвѣй подошелъ къ нему, взялъ его на руки и спросилъ:

— Ты чей?

— Папы и мамы, отвѣтилъ мальчикъ.

— А гдѣ твои папа и мама?

Мальчикъ указалъ ручкой на небо.

— Тамъ!.. отвѣтилъ онъ.

— А какъ тебя зовутъ?

— Янся..

— Значитъ Янсень? Ты, значитъ, шведъ? У тебя шведское имя!

Мальчикъ не понялъ его и не отвѣтилъ.

— Откуда ты шель? Какъ ты оказался подѣ елкой?

— Я шель къ Боженькѣ на небо, чтобы спросить у него, гдѣ мои папа и мама, и заснулъ.

— А гдѣ ты жилъ раньше?

Янсень не сумѣлъ отвѣтить.

— Бѣдный мальчикъ! воскликнула Марія-Лотта, взяла его отъ мужа и прижала его къ сердцу.

Весь остатокъ того дня прошелъ въ хлопотахъ около новаго члена и когда наконецъ спустилась ночь, то Марія-Лотта долго еще сидѣла около его кровати и пѣла ему пѣсни. Онъ спалъ крѣпко и, глядя на него, нельзя было подумать, что онъ былъ въ этой избушкѣ совсѣмъ чужой.

— Спи, мой ангелъ! шептала надъ нимъ Марія-Лотта.— Спи крѣпче! Мы не разстанемся съ тобой никогда!

И съ этихъ поръ Янсень сталъ жить у Матвѣя и его жены. Они относились къ нему, какъ къ родному сыну, любили его такъ-же, какъ и своихъ родныхъ дѣтей, и онъ отвѣчалъ имъ такими-же преданностью и любовью. Съ десяти лѣтъ онъ сталъ помогать своему пріемному отцу, выѣзжалъ съ нимъ въ море, ловилъ рыбу и Матвѣй гордился имъ и часто говорилъ о немъ своимъ сосѣдямъ рыбакамъ:

— О, изъ этого Янсена выро-

стеть настоящей герой! Вы посмотрите, какой онъ смѣльчакъ и какъ честно исполняетъ свой долгъ!

Рыбаки смотрѣли на него и на мальчика, одобрительно покачивали головами и въ свою очередь говорили:

— Да, тебѣ послалъ Богъ хорошаго сына! Изъ него выйдетъ отличный рыбакъ! Онъ тебѣ оплатитъ за все!

И вотъ случился тотъ ужасный ураганъ, въ который двѣнадцатилѣтній Янсень оплатилъ Матвѣю за свое воспитаніе. Цѣною своей жизни онъ чуть не заплатилъ за жизнь своего отца, но они спаслись оба и это сблизило ихъ еще больше и тѣснѣе. А когда прошелъ первый приступъ радости и жизнь улеглась и снова пошла своей колеей, то мальчикъ снялъ съ гвоздя свое пальто, взялъ фуражку и подошелъ къ Маріи-Лоттѣ.

— Мама, сказалъ онъ, — благовослови меня! Я ухожу надолго и далеко!

— Куда? встревожилась Марія-Лотта. — Ты хочешь насъ бросить? Ты хочешь отъ насъ уйти?

— Да, твердо отвѣтилъ мальчикъ.

Матвѣй подошелъ къ нему и положилъ ему руку на плечо.

— Если ты хочешь отъ насъ уйти, сказалъ онъ, — то по крайней мѣрѣ хотъ объясни: зачѣмъ?

Янсень опустилъ глаза и повертѣлъ фуражку въ рукахъ.

— Я хочу пойти въ городъ, отвѣтилъ онъ и щеки его покрылись румянцемъ. — Я хочу тамъ поступить на мѣсто, чтобы заработать тебѣ денегъ на лодку... Вѣдь я вижу, какъ тебѣ горько и тяжело, что наша „Ласточка“ разбилась тогда о камни и пошла ко дну.

Матвѣй молча взялъ у него изъ рукъ фуражку, снялъ съ него пальто и повѣсилъ обратно на гвоздикъ. Слезы засвѣтились у него на глазахъ.

— Останься дома, мой мальчикъ! сказалъ онъ. — У насъ скоро будетъ новая лодка! У твоей матери есть еще кое-какія сбереженія и мы купимъ на нихъ другую! Правда, мы этимъ лишимся своихъ послѣднихъ денегъ, но за то ты останешься съ нами и не покинешь насъ однихъ. Пусть въ городъ идутъ другіе, кто любитъ городъ, а ты любишь море — и постарайся сдѣлаться добрымъ рыбакомъ!

Янсень улыбнулся и счастливыми глазами посмотрѣлъ на отца, мать и на дѣтей. Онъ любилъ свою семью и ему въ душѣ ужасно не хотѣлось уходить въ городъ.

— Но вѣдь у насъ большая семья... попробоваль было онъ возразить. — Насъ пятеро, а ты зарабатываешь только одинъ!

Рыбакъ похлопалъ мальчика по плечу.

Послѣ бури.

Молодые хозяйки.

-- Ничего! весело воскликнулъ онъ.— Чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше! Только-бы хватило силъ! Богъ благословляетъ большія семьи!

И, взявшись за руки, они вышли изъ избушки и отправились въ сосѣднее селеніе покупать новый баркасъ.

Лео.

НИТКА ЖЕМЧУГА.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Всю дорогу Боря ѣхалъ въ большомъ нетерпѣніи. Далекая поѣздка въ экипажѣ, затѣмъ путешествіе по желѣзной дорогѣ, гдѣ все его занимало и было для него ново, отвлекли его вниманіе отъ бабушки и отъ Киси и Фроси, и будущая жизнь представлялась для него интересной и полной приключеній. Все казалось ему яснымъ и простымъ впереди и онъ вертѣлся въ вагонѣ, перебѣгалъ отъ окна къ окну и радовался на все, что попадалось ему на пути. Настасья Ивановна всю дорогу сидѣла въ уголку, глубоко вздыхала и, по видимому, не раздѣляла его настроенія.

— А вотъ и городъ! вдругъ указалъ Боря на появившіяся изъ-за пригорка дома и церкви.

Настасья Ивановна взглянула въ окошко, узнала тотъ городъ, гдѣ она когда-то няньчила Борю и въ которомъ не была уже столько лѣтъ, и засуетилась. Она

стала хвататься, то за одинъ, то за другой узелокъ, казалось, все валилось у нея изъ рукъ и не слушалось ея, но кое-какъ она сладила съ вещами и приготовилась выходить изъ вагона. Потянулись ряды вагоновъ, депо, станціонныя устройства и въ окнахъ, наконецъ, замелькали столбы крытой платформы вокзала.

— Папа! Папа! вдругъ закричалъ Боря и застучалъ кому-то въ стекло.

Затѣмъ Боря и Настасья Ивановна вышли изъ вагона. На дебаркадерѣ дѣйствительно стоялъ его отецъ Николай Сергѣевичъ въ широкополой соломенной шляпѣ и держалъ подъ-руку какую-то нарядно-одѣтую даму. Увидѣвъ его, Боря бросился къ нему на шею.

— Какъ-ты выросъ, Борька! сказалъ ему отецъ и со всѣхъ сторонъ оглядѣлъ сына. — Совсѣмъ настоящій мужчина!

И онъ улыбнулся, по видимому,

вполнѣ оставшись довольнымъ Борей.

— А это твоя новая мама! указаль онъ на даму.

Боря шаркнулъ передъ нею ножкой и вѣжливо поклонился одной только головой. Бабушка учила его передъ отъѣздомъ, какъ ему себя съ ней держать, и онъ долженъ былъ поцѣловать ей руку, но этого не вышло. Новая мама притянула Борю къ себѣ, крѣпко его обняла и нѣсколько разъ поцѣловала его въ губы и въ обѣ щеки.

— Надѣюсь, что мы будемъ съ тобой друзьями, сказала она.— Я и не воображала, что ты уже такой большой!

Сбоку, немножко въ отдаленіи стояла Настасья Ивановна. Она ожидала, что мачеха встрѣтитъ ея питомца гордо и съ высокомеріемъ, но увидѣвъ, какъ Анна Павловна нѣжно обнимала и цѣловала Борю, она растрогалась и стала улыбаться во все лицо.

— Здравствуйте, няня! крикнулъ ей Николай Сергѣичъ.— Какъ поживаешь? Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Она закланялась ему издалека.

— Здравствуйте, батюшка — баринъ, отвѣтила она.— Вашими молитвами!

Къ ней неожиданно вдругъ подошла Анна Павловна и поцѣловала ее въ губы.

— Ну, здравствуйте, няня! ска-

зала и она.— Я много слышала о васъ хорошаго. Говорятъ, вы живете при Борѣ съ самаго дня его рожденія!

Это еще болѣе умилило Настасью Ивановну. Простота въ обращеніи и ласка, которую оказала съ первой-же минуты ей и Борѣ эта чужая для нихъ женщина, растрогали ее и будущее ужъ не стало казаться ей такимъ мрачнымъ, какимъ казалось до сихъ поръ.

„Ну, слава Богу!“ думала она.— „Кажется, она хорошая! Борѣ будетъ житься легко!“

Сѣли въ свой собственный экипажъ на резиновыхъ шинахъ и поѣхали къ дому. Настасья Ивановна и Боря сидѣли на передней лавочкѣ и пока отецъ разговаривалъ съ сыномъ, Анна Павловна все время смотрѣла на няню и не сводила съ нея глазъ.

— Точно-бы, няня, я васъ гдѣ-то когда-то встрѣчала! сказала она наконецъ.

— И я тоже, барыня, отвѣтила Настасья Ивановна,— все смотрю на васъ, да и думаю: гдѣ это я васъ встрѣчала? Ужъ очень знакомое мнѣ ваше лицо.

Приѣхали домой. Для Бори была уже приготовлена комната и тотчасъ-же, прямо съ экипажа, въ нее внесли его вещи и помѣстили туда самого. Пока онъ умывался и переодѣвался, въ столовой накрывали на столъ и когда онъ вышелъ, то стали обѣдать. Обѣдали

только втроемъ и Боря сразу-же понялъ, что за всѣми его движеніями слѣдилъ отецъ, и потому напрягъ всѣ свои усилія, чтобы показать себя вполне воспитаннымъ и деликатнымъ. Но это напряженіе подъ конецъ утомило его, ему не доставало тѣхъ шутокъ, смѣха и свободы, къ которымъ онъ привыкъ въ домѣ у бабушки, когда обѣдалъ съ двумя своими названными сестрами, и это ихъ отсутствіе сразу-же бросилось ему въ глаза.

„Неужели я буду жить здѣсь одинъ?“ повторялъ онъ.

Домъ былъ большой и былъ хорошо обставленъ, но сада при немъ не было. Въ какіе нибудь полчаса Боря обошелъ уже всѣ его комнаты и сунулъ носъ во всѣ его чуланчики и закоулки, но потребность побѣгать на просторѣ, въ саду, сбѣгать къ рѣкѣ, пробѣжаться на скотный дворъ или влѣзть на дерево, почувствовалась тотчасъ-же и онъ уныло ходилъ по комнатамъ одинъ и все ждалъ, что вотъ-вотъ должно случиться что-нибудь интересное, что-нибудь такое, изъ-за чего дѣйствительно стоило сюда пріѣхать такъ далеко. Но это интересное не случилось, а тамъ уже наступилъ и вечеръ и пора была укладываться спать.

Анна Павловна сама уложила его въ постель и прежде чѣмъ уйти отъ него, еще долго играла съ нимъ и возилась. Они бросались

подушками. Настасья Ивановна весело смѣялась и была довольна.

— Ну, а теперь прощай! сказала наконецъ Анна Павловна и поцѣловала его въ лобъ. — Спи крѣпче, будь здоровъ!

Но когда она вышла и когда вслѣдъ за ней ушла также и Настасья Ивановна, то Борѣ показалось какъ-то странно и неудобно на новомъ мѣстѣ и вдругъ безумно захотѣлось вернуться назадъ, къ бабушкѣ, опять въ дѣтскую, гдѣ онъ проспалъ на одномъ мѣстѣ чуть не десять лѣтъ и гдѣ все время у противоположной стѣнѣ спала и Кися. Теперь она тоже одна или съ ней положили Фросю и онѣ, вѣроятно, сейчасъ не спятъ и говорятъ о немъ. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ онъ перелетѣлъ-бы сейчасъ къ нимъ и разсказалъ-бы имъ обо всемъ, что случилось съ нимъ за этотъ день! Съ какимъ-бы удовольствіемъ онъ поглядѣлъ на нихъ и пробѣжался-бы по парку.

И онъ долго еще думалъ о нихъ, о паркѣ, и о бабушкѣ, но усталость наконецъ взяла свое и онъ заснулъ.

Когда онъ проснулся, то около него стояла уже Анна Павловна и водила ему перышкомъ по лицу. Онъ думалъ, что это муха, и отмахнулся отъ нея во снѣ. Она пощекотала ему перышкомъ въ носу. Онъ чихнулъ, и открылъ глаза. Было ясное утро.

— Вставай, вставай, засоня! сказала ему мачеха.—Уже десятый часъ!

Онъ улыбнулся, потянулся, но она тутъ-же присѣла на край его кровати и стала его тормошить. Онъ извивался, визжалъ, а она щекотала его и когда наконецъ устали оба, то онъ поднялся и и сталъ одѣваться.

— Что ты такой худенькій? спросила она его.

— Не знаю, отвѣтилъ онъ.— За то я сильный и непобѣдимый, Кися и Фрося не могли осилить меня вдвоемъ, а я дрался съ ними однимъ только мизинцемъ лѣвой руки.

— И побѣдилъ ихъ?

— И побѣдилъ!

Она улынулась.

— Анна Павловна, а гдѣ у васъ мыло? вдругъ обратился онъ къ ней, оглядывая со всѣхъ сторонъ умывальникъ.

Она нашла мыло и подала ему.

— Если ты хочешь, чтобы мы были друзьями, сказала она серьезно, — то говори мнѣ „ты“ и зови меня... (голосъ ея дрогнулъ) мамой!...

Онъ смутился, покраснѣлъ и сталъ умываться. Когда онъ кончилъ, она сама надѣла на него рубашечку и завязала ему галстухъ.

— Ну, вотъ... сказала она.— Настоящій мужчина! Теперь пойдемъ къ папѣ.

Папа сидѣлъ уже у стола и читалъ газету. Не отрывая отъ нея глазъ, онъ подѣловалъ Борю въ щеку и такъ и не сказалъ съ нимъ ни слова за весь утренній чай. Потомъ онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, затѣмъ куда-то уѣхалъ и на цѣлый день Боря остался со своей новой мамой одинъ. Они разговаривали, играли, она спрашивала его о бабушкѣ, о сестрахъ, — и въ общемъ для него прошло время не такъ тоскливо, какъ было вчера вечеромъ. Онъ скоро освоился съ „ты“, но называть Анну Павловну „мамой“ ему было какъ-то непривычно и самое слово казалось ему слишкомъ святымъ, чтобы имъ можно было называть чужую женщину.

„Не попросить-ли ее, чтобы она позволила мнѣ называть ее „тетей“? не разъ приходило ему въ голову.

А Настасья Ивановна, которой тоже было скучно безъ дѣла и тоскливо въ чужомъ домѣ, смотрѣла издали на эту дружбу, сразу-же установившуюся между мачехой и мальчикомъ, крестилась украдкой на образъ и тихо повторяла:—

— Слава Богу! Слава тебѣ, Господи! Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебѣ Боже!

Николай Сергѣичъ, то пріѣзжалъ, то уѣзжалъ, по цѣлымъ днямъ его не было дома и Боря видѣлъ его толькос урывками — за

завтракомъ и за обѣдомъ. Онъ рѣдко разговаривалъ со своимъ сыномъ и рѣдко занимался имъ и всѣ послѣдующіе дни Боря провель только съ одной Анной Павловной. Казалось, что и она скучала во всемъ домѣ и была рада появленію въ немъ Бори, съ которымъ играла, какъ маленькая, и компаніей котораго вполне удовлетворялась. Она возила его кататься, брала его съ собой въ магазины, покупала ему игрушки, но ему какъ-то не игралось въ нихъ и все время его тянуло къ бабушкѣ и къ дѣвочкамъ въ усадьбу, гдѣ можно было-бы побѣгать.

— Няня, поѣдемъ скорѣе домой! — какъ-то обратился онъ къ Настасѣ Ивановнѣ, когда цѣлые два дня шелъ, не переставая, дождь. — Мнѣ хочется къ Кисѣ...

Няня вздохнула и не отвѣтила ничего.

По этому ея вздоху онъ понялъ, что пѣсня его уже спѣта и что въ этомъ домѣ онъ останется уже навсегда. И онъ горько заплакалъ.

На другой день утромъ, когда все еще шелъ дождь, его позвали къ папѣ въ кабинетъ. Онъ пошелъ туда и засталъ тамъ какого-то господина въ очкахъ и въ длинномъ черномъ сюртукѣ. Господинъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на него сквозь свѣтло-голубыя, толстыя стекла очковъ прищуренными подслѣповатыми глазами.

— Вотъ вашъ ученикъ! — сказалъ ему Николай Сергѣичъ.

И обратившись къ Борѣ, онъ серьезно продолжалъ:—

— Иванъ Филиппычъ будетъ готовить тебя къ поступленію въ гимназію или въ кадетскій корпусъ. Ты уже не маленькій и долженъ понимать. Безъ ученія нельзя. Надѣюсь, что ты оправдаешь мое довѣріе и не заставишь меня краснѣть передъ Иваномъ Филиппычемъ и другими.

Въ тотъ-же день вечеромъ Иванъ Филиппычъ переѣхалъ на постоянное жительство къ Николаю Сергѣичу, а съ слѣдующаго утра начались уже правильныя занятія Бори. Съ перваго-же взгляда, съ самой первой минуты знакомства, Боря всей душой не влюбилъ своего учителя. Иванъ Филиппычъ всегда смотрѣлъ на него прищурившись и приподнявъ двумя пальцами очки, и Борѣ казалось, что онъ чѣмъ-то недоволенъ имъ и что вотъ-вотъ онъ сейчасъ вскочитъ и накричитъ. Къ тому-же Боря, все время живя въ деревнѣ, поотсталъ въ ученѣ, многого не зналъ и всякій разъ его сердце обливалось кровью, когда Иванъ Филиппычъ, спрашивая его о чемъ-нибудь и не получивъ правильнаго отвѣта, говорилъ:

— И этого не знаете? И этого не выучили? Хорошо-съ! И оставшись недовольнымъ своимъ ученикомъ, онъ всякій разъ говорилъ:

— О вашей малоуспѣшности будетъ подробно доложено вашему отцу!

Одинъ разъ, когда Борю какъ-то особенно тянуло съ утра къ себѣ въ усадьбу и когда дуть вѣтеръ, шумѣли деревья и капли дождя одна за другой ползли по стекламъ, Борю позвали къ папѣ въ кабинетъ.

— Это что-же, Борисъ Николаевичъ!— крикнулъ на него отецъ.— Ты, кажется, не хочешь вовсе учиться? Ты хочешь остаться мужикомъ? Иванъ Филиппычъ уже въ который разъ жалуется мнѣ на тебя, что не можетъ ничего съ тобой подѣлать!..

И стукнувъ ладонью по письменному столу такъ, что на немъ подскочили всѣ предметы, онъ громко крикнулъ.

— Я этого не потерплю, Борисъ! Каждый человѣкъ долженъ знать свои обязанности!

На Борю кричали такъ въ первый разъ въ жизни. Онъ остолбенѣлъ, тупо поглядѣлъ на отца, потомъ опустил голову и сталъ ковырять пальцемъ спинку кресла.

— Можешь идти! — крикнулъ Николай Сергѣичъ.— Надѣюсь, что мы поняли другъ друга!

Боря вышелъ изъ кабинета. Все закружилось вокругъ него и все стало ему въ этомъ домѣ какъ-то еще болѣе чуждо и непривѣтливо. Неужели онъ останется здѣсь навсегда?

И онъ шелъ изъ комнаты въ комнату, отыскивая Настасью Ивановну, чтобы поплакать около нея и высказать ей свое горе. И вдругъ онъ натолкнулся на Ивана Филиппыча.

— О вашей малоуспѣшности,— сказалъ онъ и приподнял двумя пальцами очки,— было мною подробно доложено вашему отцу.

Боря посмотрѣлъ на его безстрастное съ узкими, блѣдными губами лицо, и слезы обиды брызнули у него изъ глазъ. Въмѣсто того, чтобы продолжать разыскивать няню, онъ побѣжалъ къ себѣ въ комнату, бросился на кровать и засунулъ голову подъ подушку. Такъ онъ пролежалъ около двухъ часовъ.

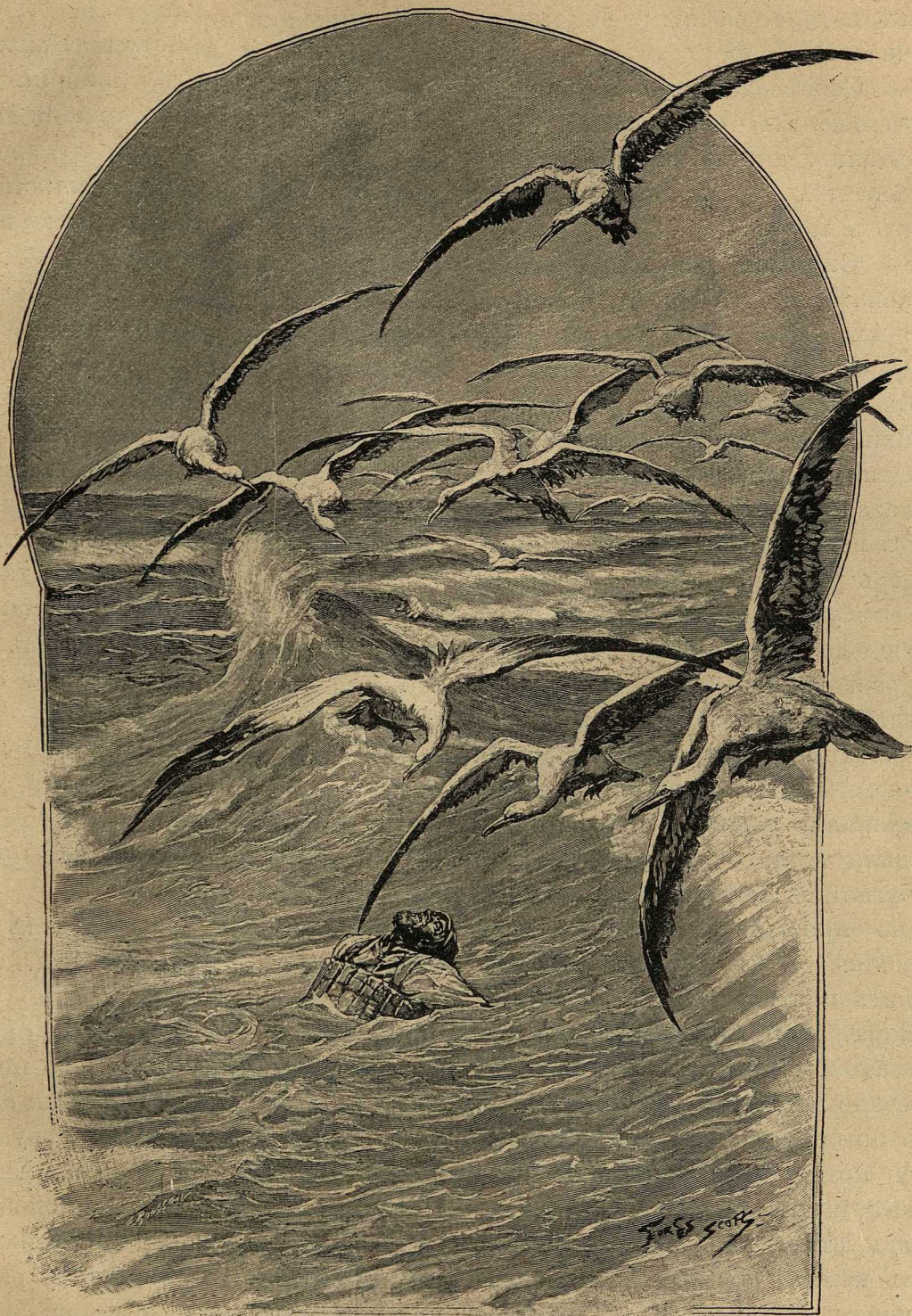
— Боженька, унеси меня отсюда,— молился онъ.— Возврати меня къ бабушкѣ и къ Кисѣ!

Онъ плакалъ, плакалъ и наконецъ заснулъ.

Когда онъ проснулся, то былъ уже вечеръ. Горѣла свѣчка и около него сидѣлъ какой-то господинъ съ темной окладистой бородой, щупалъ его руку и глядѣлъ на тоненькіе золотые часы. Тутъ-же, съ озабоченнымъ лицомъ, сидѣла и Анна Павловна. Няня Настасья Ивановна съ заплаканными глазами стояла поодаль. Затѣмъ Анна Павловна вытащила у Бори что-то свѣтленькое изъ подмышки. Это оказался градусникъ. Господинъ посмотрѣлъ на часы, на градус-

Сора пѣтуха съ павлиномъ.

Послѣ кораблекрушенія.

никъ и съ серьезнымъ видомъ покачалъ головой.

— Собственно говоря, важнаго ничего нѣтъ... — сказалъ онъ. — Но... все-таки... знаете-ли... Лучше его побережь!.. Главное — побольше яицъ и молока!

— Значить, докторъ, сейчасъ опаснаго ничего нѣтъ? — спросила его Анна Павловна.

— Сейчасъ нѣтъ, но... кто можетъ поручиться за будущее?.. Главное — побольше молока!..

Они вышли изъ комнаты и Борѣ показалось, что все это онъ видѣлъ во снѣ. Настасья Ивановна, теперь ужъ повеселѣвшая, раздѣла его, уложила снова въ постель и еще долго просидѣла около него и разговаривала съ нимъ объ усадьбѣ. И этотъ разговоръ былъ лучшимъ лекарствомъ для его души.

— А мы уже думали, что ты захворалъ! сказала ему няня. — Будили тебя, будили, да даже и испугались. Лежишь, какъ убитый, и не просыпаешься. Все лицо красное!.. Ужъ барыня за докторомъ послала!..

Боря засмѣялся, вскочилъ на кровать и запрыгалъ. Ему почему-то стало весело. Вѣроятно, потому, что поговорили объ усадьбѣ.

А потомъ потянулись дни за днями, шумѣлъ вѣтеръ, часто шелъ дождь, стали рано зажигать огонь и въ каминѣ съ утра и до вечера трещали полѣнья. Какъ ни была тяжела для Бори его новая жизнь,

но привычка сдѣлала свое и онъ уже безропотно приступалъ каждое утро къ занятіямъ, покорно выслушивалъ сухія наставленія Ивана Филиппыча и уже то время, когда онъ возвратится наконецъ къ бабушкѣ въ усадьбу, казалось для него окончательно и безнадежно потеряннымъ. Эта безградежность примирила его съ жизнью и онъ какъ-то ушелъ весь въ себя, смирился, какъ-то притихъ и трудно было теперь узнать въ немъ того разбитнаго, рѣзваго голово-рѣза, какимъ онъ былъ у себя въ усадьбѣ. Вскорѣ затѣмъ уѣхала обратно къ бабушкѣ и Настасья Ивановна и послѣдняя связь между нимъ и усадьбой такимъ образомъ нарушилась окончательно и онъ остался совершенно одинъ.

— Няня, не уѣзжай! говорилъ онъ ей и ему было стыдно, что слезы навертывались ему на глаза и что какой-то комъ подкатывалъ ему прямо къ горлу.

Настасья Ивановна плакала навзрыдъ. Ея слезы падали ему прямо на темя, она нѣжно его обнимала и прощалась съ нимъ, но сдѣлать было уже ничего нельзя, такъ какъ и дома дѣвочки ску-чали по ней и бабушкѣ трудно было безъ нея обойтись. Анна Павловна возила его на вокзалъ провожать няню. Когда отошелъ поѣздъ и Боря въ послѣдній разъ увидалъ въ стеклѣ блѣдное лицо Натальи Ивановны, то ему пока-

залось, что вмѣстѣ съ этимъ поѣздомъ оторвалась и часть отъ его сердца и тоже уѣхала вмѣстѣ съ няней.

— Прощай, няня! кричалъ онъ ей вслѣдъ и махалъ ей шляпой.— Пріѣзжай опять!

Поѣздъ уѣхалъ, все на вокзалѣ успокоилось, утихло, и Борѣ показалось, что это потому, что всѣ сознавали его потерю. Когда же они возвратились домой и Боря сѣлъ у окошка и вспоминалъ о нянѣ, то пѣли пѣтухи и ему почему-то показалось, что они пѣли теперь какъ-то тоскливѣе, чѣмъ прежде, точно и они оплакивали отъѣздъ его няни. И долго еще онъ думалъ о ней, часто видѣлъ потомъ ее и всѣхъ, кого любилъ, во снѣ и только тогда встряхивался, приходилъ въ себя и торопливо принимался за уроки, когда Иванъ Филиппычъ кликалъ его и говорилъ:

— Нужно заниматься дѣломъ!.. Трудъ есть основа нравственнаго порядка!.. О вашей лѣности будетъ подробно доложено вашему отцу..

— Ахъ, да докладывай, сколько хочешь! хотѣлось Борѣ не разъ крикнуть ему въ отвѣтъ.

И глаза его всякій разъ свѣтились такъ, точно онъ хотѣлъ этимъ сказать:—

— Точно ты не понимаешь, что для меня ласки няни дороже и полезнѣе въ тысячу разъ, чѣмъ

всѣ эти твои нотаціи о нравственномъ порядкѣ и трудѣ!

Анна Павловна по прежнему нѣжно относилась къ Борѣ и по отъѣздѣ няни старалась замѣнить ему и няню, и мать. Николай Сергѣевичъ цѣлыми днями не бывалъ дома и Боря могъ замѣтить, что и она была такъ-же одинока, какъ и онъ. Это ихъ сблизило, сдружило. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе они становились необходимыми другъ другу и если не видались болѣе часа, то начинали скучать. Часы уроковъ проходили для Бори особенно тяжело. Помимо тяжести занятій, при необходимости наверстать все непройденное и догнать, онъ еще больше уставалъ отъ сухого обращенія съ нимъ Ивана Филиппыча, отъ его длинныхъ и скучныхъ объясненій и вѣчныхъ угрозъ «обо всемъ доложить отцу». И когда проходили положенные для занятій пять часовъ, то онъ вылеталъ изъ классной комнаты, какъ вырвавшаяся на свободу птичка, и бѣжалъ къ своей мачехѣ. Она подхватывала его на бѣгу, онъ высоко подпрыгивалъ и имъ обоимъ казалось, что онъ подскакивалъ чуть не до потолка.

Ужъ онъ давно называлъ ее „мамой“ и это не казалось ему теперь такимъ страннымъ, какъ было вначалѣ. Не казалось это страннымъ и ей.

— Вотъ погоди, сыночекъ, го-

ворила она, — настанетъ Рождество и мы устроимъ елку!

— А мы пригласимъ сюда Кисю и Фросю? спрашивалъ онъ ее.

И всякій разъ она задумывалась почему-то и какъ-то, точно не она, отвѣчала:

— Хорошо, пригласимъ!

И точно отвѣчая самой себѣ на давно уже волновавшій ее вопросъ, она продолжала:

— Я еще не бывала у твоей бабушки... Это такъ неловко... Да все никакъ не соберусь...

22-го Сентября была панихида. Молились о какомъ-то младенцѣ Маріи. Когда пѣли, „вѣчную память“, то Анна Павловна рыдала на всю церковь. Она долго не могла успокоиться и продолжала плакать даже и тогда, когда возвратились уже домой. Это надрывало душу Борѣ. Онъ не выносилъ чужихъ слезъ и долго ходилъ около нея, не зная, чѣмъ унять ея горе. А затѣмъ, не будучи въ силахъ себя сдержать, онъ бросился къ ней, обхватилъ ее за шею и крѣпко прижалъ ея голову къ себѣ.

— Не надо, мама, не надо!.. заговорилъ онъ и почувствовалъ, какъ теплыя слезы полились у него по щекамъ.—Успокойся! Не надо плакать!..

Это умилило ее, она быстро отерла слезы себѣ и ему и въ свою очередь крѣпко обняла его и поцѣловала.

— Ты мой хорошій мальчикъ! сказала она.—Я тебя очень люблю!

Но кто-же была эта маленькая Марія, о которой служили сегодня панихиду? Почему такъ горько и долго плакала его вторая мать? Эти вопросы не давали Борѣ покоя весь этотъ день, занимали его, онъ строилъ планы, дѣлалъ догадки, но такъ и легъ спать, не додумавшись ни до чего.

Вечеромъ пришла къ нему Анна Павловна, чтобы проститься съ нимъ и благословить его. Когда она наклонилась надъ нимъ, чтобы его поцѣловать, то онъ обнялъ ее за шею и притянулъ ея голову къ себѣ.

— Мама, кто эта Маруся, о которой сегодня молились въ церкви? спросилъ онъ ее на ухо и почувствовалъ, какъ щеки его запылали.

— Это моя дочь, просто отвѣтила она ему.

— Она умерла? Скончалась? Анна Павловна повела бровями.

— Нѣтъ, отвѣтила она.— Она утонула.

Боря привскочилъ на кровати.

— Утонула? Гдѣ?

— Она утонула въ Атлантическомъ океанѣ. Я плыла съ нею въ Бретань и у насъ по дорогѣ загорѣлся пароходъ..

Онъ посмотрѣлъ на нее большими, встревоженными, но пол-

ными любопытства глазами. Она поглядѣла на нихъ, догадалась, что ему хотѣлось подробно узнать обо всемъ, и, точно давно уже и сама ожидала этой минуты или хотѣла подѣлиться своимъ горемъ съ близкимъ для нея человѣкомъ и выплакать въ его присутствіи всю накипь на своей душѣ, она подсѣла на край его кровати, придвинулась къ нему поближе и начала свой рассказъ.

На дворѣ была осень, дождь стучалъ каплями по стекламъ, не разъ уже пробили въ столовой часы, а она все сидѣла около него и рассказывала ему, какъ когда-то ѣхала съ своей дочерью и нянькой Эльзой на морскія купанья въ Бленгеймъ, какъ познакомилась по пути съ какой-то русской старушкой, ѣхавшей со своимъ внукомъ и съ няней въ Бретань, какъ ее застала въ Бленгеймѣ дурная погода, какъ она потомъ сѣла въ Гамбургъ на пароходъ и отправилась затѣмъ тоже въ Бретань и какъ по дорогѣ загорѣлся па-

роходъ и погибла ея маленькая дочь.

Боря слушалъ ее съ большими, удивленными глазами и старался не проронить ни одного ея слова. Все казалось ему страннымъ и необыкновеннымъ.

— А какъ-же ты сама-то, мама, спаслась? спросилъ онъ ее наконецъ.

Она провела рукой по глазамъ, точно стараясь отогнать отъ себя дурныя воспоминанія.

— Не знаю... отвѣтила она.— Когда я очнулась, то лежала уже на берегу... Около меня стояли какіе-то мужчины, которые приводили меня въ чувство и отвезли затѣмъ въ ближайшій городъ. Больше я не знаю ничего!

— А давно все это было?

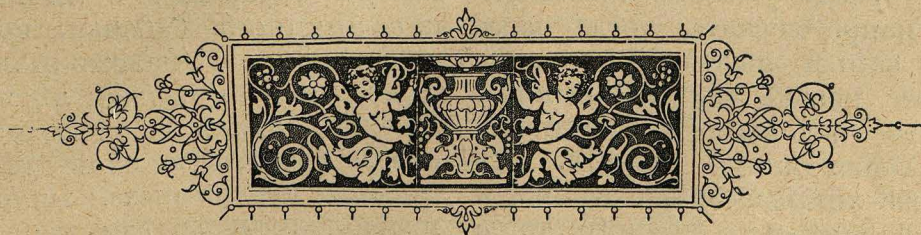
— Десять лѣтъ тому назадъ.

Она глубоко вздохнула, упала головой на его-же подушку и вмѣстѣ съ нимъ плакала, плакала безъ конца.

А на дворѣ по прежнему шелъ осенній дождь и стучалъ по стекламъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Б—скій.

ПЕРВАЯ ГРОЗА.

Сегодня первая гроза
Еще съ утра вдали гремѣла...
За лѣсомъ неба полоса
Вся въ тучахъ грозно потемнѣла.
Поднялся вихрь... Ударилъ громъ,
Блеснула молнія сердито,—

Одна минута—и кругомъ
Потокомъ ливня все залито.
Гроза утихла... Въ небесахъ
Лучи такъ знойно заиграли...
Лишь краски ярче на цвѣтахъ,
Да небеса синѣе стали.

Е. Селунская.

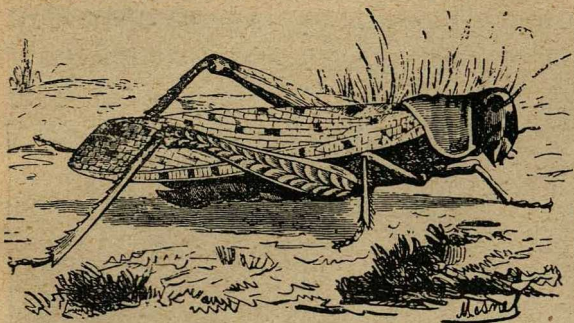
КОЕ-ЧТО О НАСѢКОМЫХЪ.

Не многіе изъ насъ могутъ представить себѣ, какую важную роль въ жизни человѣка играютъ насѣкомыя. Одни изъ нихъ такъ очаровательны, что все время смотрѣлъ бы на нихъ и не отрывалъ бы отъ нихъ глазъ, тогда какъ другія — внушаютъ намъ ужасъ и отвращеніе. Нѣкоторыя изъ нихъ, наряду съ ядовитыми змѣями, настолько вредны для человѣка, что положительно не является иногда никакого средства отъ нихъ спастись и избѣжать смерти. Левъ и тигръ на видъ гораздо ужаснѣе какого-нибудь напр. москита, тогда какъ этотъ самый маленькій москитъ можетъ невзначай, исподтишка укусить человѣка и причинить ему неожиданную смерть. Къ тому же хищные звѣри велики и ихъ сравнительно немного, тогда какъ многое множество насѣкомыхъ мы даже не можемъ видѣть невооруженнымъ глазомъ и число

ихъ такъ велико, что не найдется въ ариметикѣ цифръ, чтобы ихъ сосчитать.

Насѣкомыя размножаются съ необычайной быстротой. Такъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ въ Америкѣ совершенно не были извѣстны нѣкоторыя породы гусеницъ. Но къ одному тамошнему ученому прислали изъ Европы для опытовъ щепотку яичекъ, которыя онъ положилъ въ бумажекѣ на окнѣ. Порывомъ вѣтра бумажку снесло въ садъ, яички рассыпались по землѣ, изъ нихъ вскорѣ образовались личинки, а изъ личинокъ бабочки, которыя въ свою очередь наложили яичекъ, и не прошло и пяти лѣтъ, какъ гусеницы этихъ бабочекъ покрыли собою громадную площадь земли въ 220 квадратныхъ миль. Напрасно люди хотѣли избавиться отъ этого бѣдствія. Всѣ ихъ сады, всѣ деревья въ лѣсахъ были обѣдены до стеблей этими прожор-

ливыми насѣкомыми, и когда считали погибшія деревья, то ихъ оказалось 40 миллионъ штукъ.

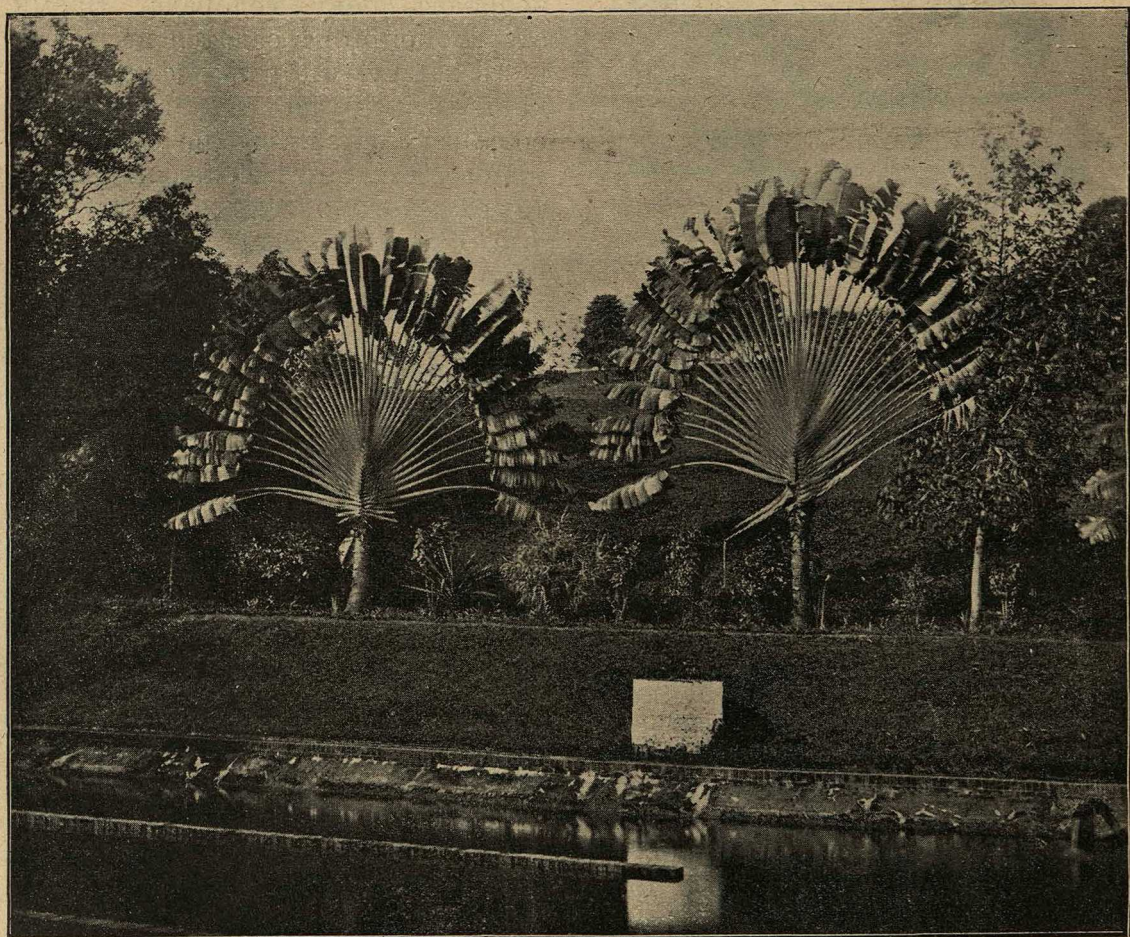
Саранча.

Съ такую же невѣроятной быстротой размножается и саранча, о которой упоминается еще въ библіи, и которая приноситъ такой неисчислимый вредъ человѣку, что цѣлыя поколѣнія не могутъ оправиться отъ производимыхъ ею опустошеній. Есть много видовъ саранчи. Между прочимъ къ саранчѣ принадлежитъ и нашъ безобидный кузнечикъ, который весело стрекочетъ въ жаркіе дни въ травѣ и дѣлаетъ такіе высокіе прыжки. Самки у настоящей саранчи обладаютъ особымъ органомъ, которымъ онѣ просверливаютъ въ землѣ дырки и кладутъ въ нихъ свои яйца. Изъ нихъ вылупляется молодежь, которая въ первое время не имѣетъ крыльевъ. Безчисленными арміями эти безкрылыя саранчи двигаются впередъ и истребляютъ все на своемъ пути. Пожирая все, что только можетъ имъ попасться съѣдобнаго, онѣ движутся впередъ, все по прямой линіи, и если ихъ не остановить, то онѣ оставляютъ позади себя голую пустыню, а тѣмъ временемъ у нихъ отра-

стаютъ крылья, онѣ поднимаются на воздухъ и продолжаютъ свой путь уже безопасно далѣе. Онѣ летятъ цѣлой тучей, затмевая собою солнце, такъ что становятся сразу сумерки. Шумъ отъ движенія ихъ крыльевъ и челюстей подобенъ реву водопада. Время отъ времени онѣ садятся на землю и въ какихъ-нибудь десять—пятнадцать минутъ отъ громадной созрѣвающей нивы не останется ничего. Если онѣ садятся на лѣсъ, то отъ него остаются только голые сучья и пеньки. Насытившись, онѣ снова поднимаются на воздухъ и отправляются въ путь далѣе, пока наконецъ подъ ними не оказывается море. Но онѣ не боятся его. Поднявшись на высоту, онѣ безбоязненно перелетаютъ и черезъ него. Моряки встрѣчали полчища саранчи въ открытомъ морѣ въ 1200 верстахъ отъ берега. Но иногда саранча попадаетъ подъ порывъ вѣтра, и тогда онѣ всю эту голодную орду бросаетъ въ море. Въ концѣ прошлаго вѣка на Южномъ берегу Африки нанесло столько утонувшей саранчи, что она долго лежала цѣлымъ валомъ въ четыре фута толщины и тянулась на пятьдесятъ верстъ вдоль берега. Конечно, она разлагалась и портила собою воздухъ. Ничто не можетъ спасти сельскаго хозяина отъ набѣга саранчи. Были испробованы всѣ средства, но ни одно изъ нихъ не достигало цѣли: стрѣляли въ нее изъ ружей и даже изъ пушекъ во время ея перелета, стучали, шумѣли, дули въ трубы, чтобы она не опускалась на землю, но не помогало ничто. Саранча не боязлива. Един-

ственное средство—когда она еще молода, и безкрыла и ползетъ по землѣ—это рыть впереди нея канавы. Саранча старается перелѣзть черезъ канавы, массами падаетъ въ нее, а тутъ стоять съ

ее снова закапываютъ и отбѣгаютъ далѣе. И такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока саранча не будетъ истреблена вся. Конечно, позади нея—остается одна сплошная пустыня, но люди жертвуютъ

На островѣ Цейлонѣ.

лопатами люди, которые тотчасъ же забрасываютъ ее и зарываютъ въ землю. Новая полчища перелѣзаютъ поверхъ этого кладбища и продолжаютъ свой путь далѣе. Тогда люди забѣгаютъ впередъ и принимаются за новыя канавы. Ихъ снова наполняетъ саранча,

всѣмъ, чтобы только не дать от-
рости у нея крыльямъ.

Очень напоминаютъ собою по внѣшнему виду саранчу — наши милые кузнечики и домашніе сверчки. Это—безобидныя твари, извѣстныя всѣмъ. Кузнечикъ весело прыгаетъ по травѣ, а свер-

чокъ каждую ночь наигрываетъ свою пѣсню гдѣ-нибудь подь печкой или въ щели. Оба эти госпо-

одного о другое и о лапки, происходитъ стрекотанье. Стрекочуть одни только самцы. Этимъ они

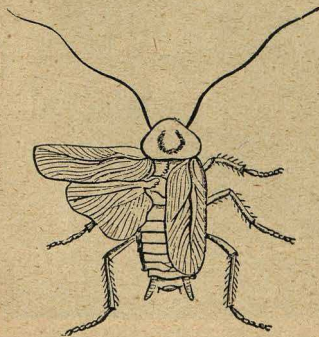
Интересныя новости.

дина совершенно безвредны. Свое всѣмъ извѣстное трещанье кузничекъ производитъ не голосомъ, а треніемъ крылышекъ, которыя у него такъ жестки, что при треніи

подзываютъ къ себѣ другъ друга и самокъ. Что же касается до домашняго сверчка, то это — большой вориска. Онъ всегда пробирается въ домъ извнѣ, устраиваетъ себѣ

помѣщеніе гдѣ-нибудь въ тепленькомъ уголку и оттуда уже совершаетъ свои набѣги за пищей по ночамъ. Завидѣвъ оставшуюся крошку хлѣба, или сахара, онъ тотчасъ же бросается на нее и съѣдаетъ. Какъ и кузнечики, сверчки отлично и высоко прыгаютъ. Своими крѣпкими челюстями они прогрызаютъ толстыя шерстяныя ткани, повѣшенныя на ночь передъ печкой для просушки. Это они дѣлаютъ изъ-за влаги, находящейся въ ткани, когда хотятъ пить. Иногда ихъ такъ одолеваетъ жажда, что они прыгаютъ даже въ чашки съ чаемъ, которыя люди готовы уже поднести ко рту. Сверчки превосходно летаютъ, но такъ какъ это насѣкомыя только ночныя и при малѣйшемъ лучѣ свѣта они уже бѣгутъ, сломя голову, къ себѣ въ норку, то намъ и не удастся никогда видѣть, какъ они летаютъ.

Но кто бы могъ подумать, что и черные тараканы тоже принадлежатъ къ тому же самому отряду, что и саранча, кузнечики и сверчки? Многие считаютъ чернаго таракана жукомъ, но это невѣрно. Какъ и сверчокъ, черныи тараканъ имѣетъ крылья, но рѣдко пользуется ими, такъ какъ не боится людей и отлично бѣгаетъ на своихъ шести ногахъ. Его родина — Восточная Азія и его за-

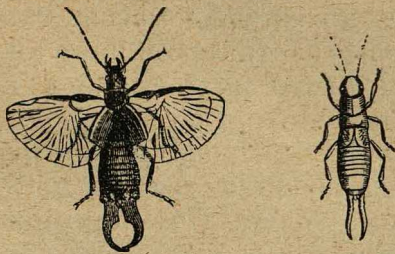
Черный тараканъ.

вели въ Европу на корабляхъ съ открытіемъ морского пути въ Индію и въ Китай, такъ что, слѣдовательно, онъ основался у насъ не такъ ужъ давно. Во всякомъ случаѣ онъ у насъ не природный житель, а пришелецъ. Онъ очень любитъ тепло и всегда страдаетъ обжорствомъ. Едва только наступаетъ вечеръ, какъ черные тараканы уже вылѣзаютъ изъ своихъ норъ и начинаютъ бродить по квартирѣ, отыскивая для себя пищу. Хлѣбныя крошки, мука, крупа, остатки вчерашней пищи въ невымытой посудѣ, крахмалъ, которымъ приклеены обои къ стѣнамъ, — все это составляетъ ихъ обычную пищу. Любя тепло и отличаясь обжорствомъ, черные тараканы, естественно, съ большей охотой гнѣздятся и размножаются всегда тамъ, гдѣ теплѣе и хлѣбнѣе. У кого всегда тепло и обильно? Конечно, у богатаго человѣка. Вотъ почему по мнѣнію простыхъ людей, если у кого-нибудь и заводятся черные тараканы, то это, говорятъ они, къ счастью. У бѣдняка черныи тараканъ не заведется никогда: бѣдняку и самому холодно и нечего ѣсть! Поэтому-то черные тараканы и стали служить признакомъ того, что человѣкъ разбогатѣлъ, сталъ счастливѣе, что ему повезло. А между тѣмъ, если бы и у богатыхъ людей соблюдалась необходимая чистота, если бы и у нихъ въ жилищахъ выметались исправно всѣ углы, стряхивались крошки и вымывалась аккуратно посуда, то и черные тараканы переводились бы сами собою.

Самка чернаго таракана кладетъ яички въ очень красивыхъ ро-

выхъ коробочкахъ, по шестнадцати яичекъ въ каждой. Но снеся яички, она уже нисколько не заботится о нихъ, а предоставляет ихъ самимъ себѣ. Такъ молодые тараканы и выводятся сами. Не обходится и безъ того, что когда они выведутся, то сама же мать ихъ и съѣсть. Вообще черный тараканъ истребляетъ себѣ подобныхъ и отличается, такъ сказать, людоѣдствомъ.

Такая же „людоѣдка“ и двухвостка—всѣмъ извѣстное противное насѣкомое съ двумя рожками на хвостѣ. Часто ее называютъ также и ухверткой, хотя

Двухвостка или ухвертка.

никому еще и никогда она уши не провертывала. Это предразсудокъ. Стоитъ только какой-нибудь двухвосткѣ заболѣть или оказаться раненой въ томъ мѣстѣ, гдѣ есть и другія двухвостки, какъ онѣ тотчасъ же выбѣгаютъ ночью изъ своихъ норокъ и съ жадностью ее пожираютъ. Къ счастью, двухвостки рѣдко водятся въ домахъ, а все больше любятъ ползать около цвѣточныхъ горшковъ на окнахъ и около цвѣтовъ на клумбахъ. Самыми любимыми для нихъ цвѣтами являются дали и настурци, отъ которыхъ онѣ отгрызаютъ своими крѣпкими челюстями цѣлые куски и съѣда-

ютъ. Въ отличіе отъ черного таракана двухвостка является нѣжною заботливою матерью для своихъ дѣтей. Она нянчитъ ихъ такъ же, какъ и курица своихъ цыплятъ, или какъ морской ракъ своихъ дѣтенышей. Двухвостка необыкновенно быстра въ своихъ движеніяхъ. Завидѣвъ человѣка и вообще зачюявъ опасность, она тотчасъ старается убѣжать, и если находилась въ это время на потолкѣ, то тотчасъ же бросается всѣмъ тѣломъ прямо на полъ. Но была бы большая ошибка думать, что она при этомъ падаетъ. Нѣтъ, она летаетъ! Необычайно маленькія роговыя надкрылія на ея спинѣ имѣютъ подъ собою большія крылья, которыя она моментально развертываетъ во время паденія и тотчасъ свертываетъ обратно, какъ достигаетъ точки опоры. Взятая въ руку, двухвостка совершенно безвредна, но когда ползетъ по тѣлу человѣка случайно сама, то можетъ больно его ущипнуть. Щипаетъ она именно этими двумя роговыми клещами, которыя находятся у нея на хвостѣ.

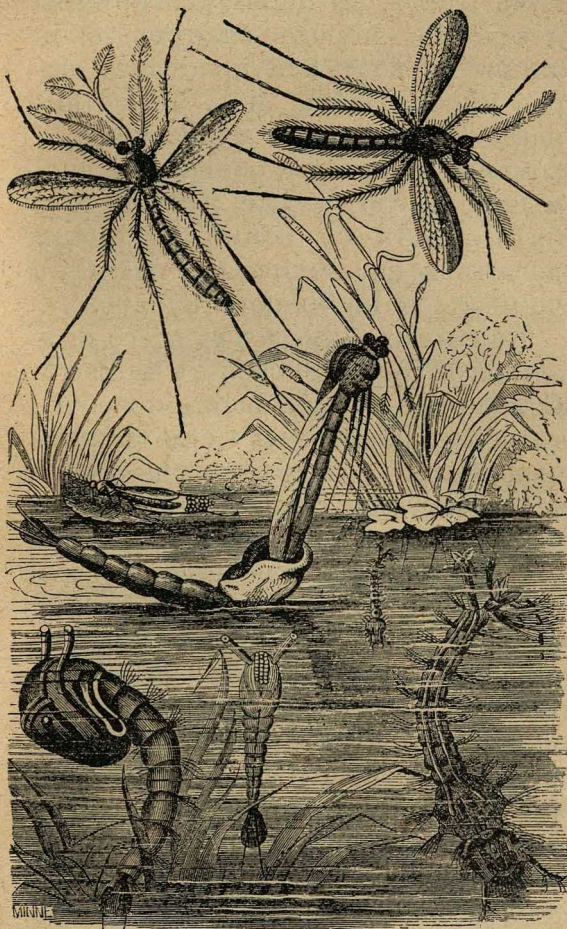
Часто приходится удивляться, какъ иногда бываютъ у насѣкомыхъ крѣпки ихъ роговыя челюсти или орудія защиты. Вамъ, вѣроятно, не разъ случалось, находясь въ деревянномъ домѣ, слышать, какъ въ его стѣнѣ что-то застучитъ? Постучитъ-постучитъ и перестанетъ, а потомъ вновь начинаетъ стучать. Это—древоточецъ, называемый въ наукѣ Ксестобіемъ. На видъ онъ—простой маленькій, рыженькій жучекъ, а между тѣмъ челюсти у него такъ крѣпки, что онъ отлично провертываетъ ими ходы въ толстыхъ бревнахъ и въ нашей

мебели. Обыкновенно онъ стучитъ четыре или пять разъ подрядъ и затѣмъ смолкаетъ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять принимается за стукъ и опять смолкаетъ. Было бы большою ошибкой думать, что это онъ долбитъ дерево. Нѣтъ, этимъ звукомъ онъ подзываетъ къ себѣ свою самку, которая находится въ то время гдѣ-нибудь въ другомъ концѣ бревна, и только по этому звуку догадывается, гдѣ находится ея супругъ. Часто древоотцы разводятся въ стѣнахъ дома и въ мебели въ такомъ количествѣ, что ихъ постукиванія начинаютъ, наконецъ, надождать. Въ былыя времена, когда моряки плавали исключительно только на деревянныхъ корабляхъ, древоотцы такъ истачивали ихъ корабли, что они не были уже въ состояніи противостоятъ напору волнъ и шли ко дну. Поэтому-то у моряковъ и сложилось повѣрье: если раздается постукиваніе древоотца, то это означаетъ скорую смерть или выселеніе изъ насѣженного гнѣзда. Конечно, и это предрассудокъ. Стоитъ только приготовить извѣстнымъ способомъ бревно и доски для построекъ и всѣ эти примѣты сниметъ какъ рукой.

Но кто особенно надождливъ,—такъ это домашнія мухи. Онѣ иногда въ состояніи даже самаго хладнокровнаго человѣка вывести изъ себя. Какъ своего рода мусорщики, мухи не замѣнимы; онѣ пожираютъ на улицѣ все, что только выброшено вонъ и заражаетъ атмосферу. Но зато, влетая къ намъ въ домъ, онѣ заражаютъ и нашу пищу. Падая въ молоко, онѣ переносятъ съ собою въ него то, что

захватили на себя съ падали или съ разлагающейся мертвечины, или же, садясь на нашихъ дѣтей, онѣ переносятъ заразные болѣзни. Въ Англіи давно уже пришли къ заключенію, что гораздо дешевле обходится для дѣтей чистое молоко, въ которомъ еще не тонули мухи, чѣмъ траты на похороны тѣхъ дѣтей, которые заразились и умерли отъ молока, испорченнаго мухами. Муха ѣстъ все. Нѣтъ ничего такого противнаго, чего она не отвѣдала-бы съ удовольствіемъ. Садясь на отраву, она переноситъ на себѣ часть ея на насъ, пожирая тлетворные остатки какихъ-нибудь отбросовъ, она вноситъ къ намъ въ жилище массы бациллъ, которыя заставляютъ насъ хворать. Свои яички муха кладетъ на какой-нибудь разлагающейся дряни. Изъ нихъ выходятъ личинки, которыя развиваются на ней и ею же питаются. Изъ личинокъ дѣлаются куколки, а изъ куколокъ вылетаютъ затѣмъ домашнія мухи. Когда мы видимъ мухъ различной величины, то не нужно думать, что та муха больше, которая старше. Муха вылетаетъ изъ куколки почти такою-же, какою мы ее и видимъ и очень мало растетъ. Среди домашнихъ мухъ есть мухи трехъ породъ: обыкновенныя, съ хоботками, которыя всюду суютъ свой носъ и любятъ сладкое, мухи—кусаки, которыя появляются только къ концу лѣта и больно кусаются, и большія сизыя мухи, которыя летаютъ около чего-нибудь мясного или разлагающагося и гудятъ, какъ жуки.—Эти большія мухи особенно противны: онѣ кладутъ свои яички обыкновенно на мясѣ и на ранахъ животнаго, гдѣ отъ

этихъ яичекъ и заводятся черви, заставляющія мясо выбрасывать, а животныхъ—испытывать тяжкія мученія. Необыкновенное обоняніе у этихъ мухъ! Стоитъ только гдѣ-нибудь подь поломъ издохнуть

Комары и ихъ личинки.

мыши, какъ къ этому мѣсту уже слетаются со всѣхъ сторонъ большія сизыя мухи. Какъ-бы далеко онѣ ни находились отъ этого мѣста, онѣ всюду почують падалъ и прилетятъ хоть изъ-за тридевяти земель.

Но надоѣдливѣ всѣхъ насѣ-

комыхъ въ мірѣ—это комары и москиты. Какой-нибудь маленькій комарикъ летаетъ незамѣтно по комнатѣ и поетъ свою пѣсню, и вдругъ укуситъ такъ больно, что послѣ этого чешешься чуть не цѣлый часъ. Впрочемъ, это кусаются не комары, а комарихи. Комары, которые имѣютъ усики, похожіе на перышки—это самцы; они обыкновенно живутъ на растеніяхъ и питаются ими; тѣ-же комары, у которыхъ усики не похожи на перышки и которые, когда сидятъ, то поднимаютъ кверху заднія ноги,—это самки. Самки эти такъ кровожадны, что когда начинаютъ сосать у человѣка кровь, то такъ увлекаются, что въ это время ихъ можно рѣзать на куски, и онѣ не замѣчаютъ. Почему именно бываетъ больно, когда, онѣ укусятъ, и почему именно дѣлается опухоль—это еще не достаточно объяснено. Говорятъ, что онѣ впускаютъ въ рану особую жидкость, чтобы разжижить ея кровь и легче ее въ себя всосать. Эта жидкость и производитъ на мѣстѣ укуса воспаленіе. Но на сколько въ общемъ безопасны наши комары и москиты, настолько они являются зловредными въ жаркихъ странахъ и у насъ въ Россіи на Кавказѣ и въ средней Азій. Такъ, извѣстна въ Африкѣ одна изъ самыхъ тяжкихъ болѣзней, безусловно смертельныхъ,—именно сонная болѣзнь, причиняемая человѣку особаго рода москитомъ или, что—то-же комаромъ, который, кусая человѣка, впускаетъ въ него свой ядъ. Болѣзнь начинается желаніемъ спать. Человѣка клонитъ ко сну и вся его энергія, все его самообладаніе не въ со-

стояніи побѣдить этой сонливости, и дѣло кончается тѣмъ, что укушенный комаромъ засыпаетъ навсегда и умираетъ. Знаменитый профессоръ Кохъ цѣлые восемнадцать мѣсяцевъ прожившій на топкихъ берегахъ озера Викторія-Ньянца въ Центральной Африкѣ, чтобы изучить эту болѣзнь, точно опредѣлилъ это вредное насѣкомое, рискуя каждую минуту быть укушеннымъ имъ и заснуть навѣки. И что же оказалось? Насѣкомое это обитаетъ тамъ, гдѣ по близости находятся и крокодилы. Гдѣ нѣтъ поблизости крокодиловъ, тамъ нѣтъ и этого насѣкомаго. Оказалось, что эти насѣкомыя только потому и живутъ на свѣтѣ, что питаются кровью крокодиловъ, которую они высасываютъ въ промежуткахъ между бляшками ихъ чешуи. Если истребить крокодиловъ, то сами собою погибнуть и они, и, такимъ образомъ, на свѣтѣ вовсе не будетъ сонной болѣзни. Извѣстная болѣзнь малярія или перемежающаяся лихорадка, которою такъ часто страдаютъ у насъ на Кавказѣ и въ Средней Азій, тоже причиняется благодаря укусамъ особыхъ комаровъ. Въ одной Индіи ежегодно умираетъ отъ маляріи болѣе пяти милліоновъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, а въ Африкѣ есть такія милыя мѣста, гдѣ благодаря маляріи, ни одинъ бѣлый человѣкъ не можетъ прожить и одного мѣсяца и вскорѣ же, по приѣздѣ туда, умираетъ. Даже самими неграми эти мѣста названы „гробами бѣлыхъ“.

Но напрасно мы старались-бы изучать природу всѣхъ этихъ болѣзней, если бы не принимали противъ нихъ и мѣръ предосторожности. Въ чемъ-же должны состоять эти мѣры? Только въ одномъ: въ осушеніи болотъ и топкихъ мѣстъ. Дознано, что комары и вся ихъ порода кладутъ свои яички въ воду или просто въ сырое мѣсто. Здѣсь, изъ этихъ яичекъ, вылупляются и развиваются комары и имъ подобныя насѣкомыя и отсюда уже летятъ трубить о себѣ по всѣмъ лѣсамъ и доламъ и залетаютъ къ намъ въ комнаты и начинаютъ кусать.

Какой-же выводъ изъ всего сказаннаго? Держите себя въ чистотѣ. Сама природа, создавши множество тварей и насѣкомыхъ еще раньше человѣка, и создавъ его уже послѣ всѣхъ, какъ-бы старается этимъ доказать, что и всѣ эти мелкія твари такъ-же важны для нея, какъ и человѣкъ. Но она дала человѣку разумъ, и этотъ разумъ дѣлаетъ его мудрѣе всѣхъ живыхъ существъ въ мірѣ. А эта мудрость говоритъ: — не убивайте насѣкомыхъ, это бесполезно; старайтесь лучше жить въ чистотѣ, заботьтесь о своемъ жилищѣ, почаще мойтесь сами и мойте свою одежду и осушайте вокругъ себя стоячія воды; не позволяйте скопляться вокругъ вашего жилища отбросамъ пищи и всякой нечистотѣ, и побѣда останется за вами. Это такъ-же ясно, какъ и то, что на небѣ свѣтитъ солнце, а на землѣ растетъ трава.

По «The Child. Encyc.»

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Цѣлое растеть въ Крыму. Если-бы второе побило цѣлое, то не было-бы перваго.

Что это такое?

(Предложила Оля Голубева).

II.

Если слово, означающее часть войскъ, прочеть съ обратной стороны, то получится названіе на-сѣкомаго.

Какое слово задумано?

III.

У + водяныя + д + хвойныя +
л + птицы. + деревья +
+ дѣв + то, что надѣ- + и + п +
вають на носъ
+ хвойныя
+ деревья.

Что здѣсь написано?

IV.

Чѣмъ сходны злая собака и нашъ языкъ?

(Предложилъ А. Смородинцевъ).

Дчехъ рекомеждуется! новая книга для дѣтей: Цѣна 40 коп. Сь пересылкой 55 коп.

„Дружокъ и Оомка“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Выписывать изъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство».

*Рѣшеніе ребуса и головоломокъ, помѣ-
щенныхъ въ № 15 „Золотого Дѣтства“.*

Головоломки: I) Отецъ и дочь.
II) Попрыгунья-стрекоза лѣто кра-
сное пропѣла, оглянуться не успѣ-
ла, какъ зима катитъ въ глаза.
III) Оса и Екатеринбургъ.

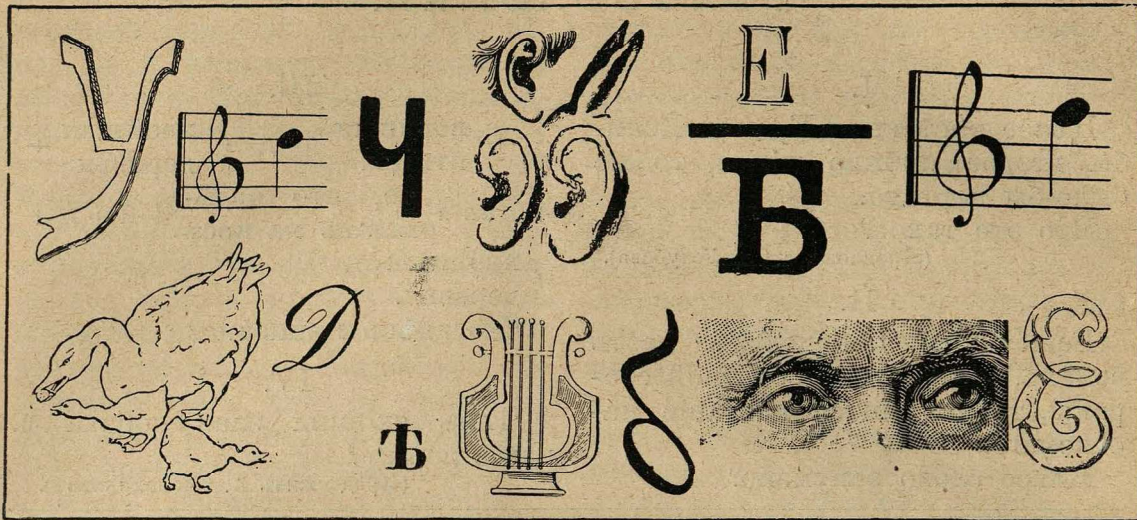
Ребусъ № 15. Вь + е + че + ромъ +
на си + ре + н + ивы + сту + пила +
р + оса = Вечеромъ на сирени вы-
ступила роса.

Впрямь рѣшенія прислали: Серафимъ Важин-
скій, Вероника Кабанова изъ Омска, Конрадъ,
Брониславъ и Золотая Рыбка, Женя и Боря
Балакшины, Нина Дунаева, Тася Долганова
изъ Новгорода, Валя Ведерникова, Коля Ва-
ленчицъ изъ Вильны, Маруся Сосипатрова въ
Спб., Ольга Евакіева, Шура, Нина и Аня Про-
скуряковы, Музя Смирнова, Лѣка Эпштейнъ,
Нина и Вѣра Вагнеръ изъ Вѣлозерска, Соня

Кузовкина, Володя Теремецкій; Шура, Петя и
Кока Глубаковскіе, Шура Комаровъ, Петя Ва-
сильевъ изъ Екатеринодара, Миша Дунаевскій
изъ Лохвицы, Лена, Сева, Сережа, Таля, Галя,
Лиза Сурины, Коля Васильевъ, Борисъ и Вѣра
Серебренниковы изъ Ташкента, Оля Губина,
Сережа Лебедевъ изъ Зубцова, Юрій Беренсъ,
Игорь Мясниковъ, Нонна и Зоя Сузюмовы, Ва-
ля, Коля и Кируся Симаковы, Валя Фигурская,
Галя Русиловичъ изъ Ковеля, Воля и Тася
Нейшильдъ, Коля и Сережа Павловы изъ Харь-
кова, Вася Лукьяновъ изъ Евпаторіи, Саша,
Софія, Надя и Маруся Поленскія изъ Боржома,
Симочка Воскресенская, Симула В. изъ Бѣлева,
Женя Чижевскій, Валя Зеликманъ изъ Харби-
на, Женя Лопуховичъ, Александръ Македонскій,
Павликъ Столбинъ, Шурикъ Остенъ изъ Поне-
вѣжа, Женя Радинъ, Андрюша Федотовъ—дон-
ской казачокъ и его тетья Таня Волкова, Лиза
Кручинина, Митя и Ларя Курбатовы, Володя
Головинъ изъ Пензы, Саня, Федя и Коля
Климъ, Дуся Петровичъ, Боба Уточкинъ, Воло-
дя Левашовъ изъ Новороссійска, Леля Василье-
ва изъ Оренбурга, Игрушечка Толмачевъ.

Ребусъ № 17.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Продолжается подписка

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

На художественно-литературный журналъ для дѣтей
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“
подъ редакціей **М. П. ЧЕХОВА.**

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 нум. въ годъ). При кажд. нум. приложеніа.
Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ **ТРИ руб. 80 к.**
Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 22.

== ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ. ==

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по **3 р. 65 к.** за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ.

**МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.**

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

„Золотое Дѣтство“ № 17, Июль, 1912 г.

Очень рекомендуется!

Новая книга для дѣтей

„Дружокъ и Томка“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Цѣна 40 коп.

Съ пересылкой 55 коп.

Выписывать изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій, 22.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ интересомъ.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на
художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
- 12** ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКѢ“ (отдѣльными листами).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ. 22, и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Перемѣна адреса—28 коп. почтовыми марками.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Книга съ раскрашенными картинками
„СЪДАЯ СТАРИНА“.

(Легенды о быломъ).

Соч. А. Гербертсонъ.

Рисунки Елены Страттонъ.

Цѣна 60 коп. съ пересылкой

Высылается по первому требованію
изъ редакціи „Золотое Дѣтство“
С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.